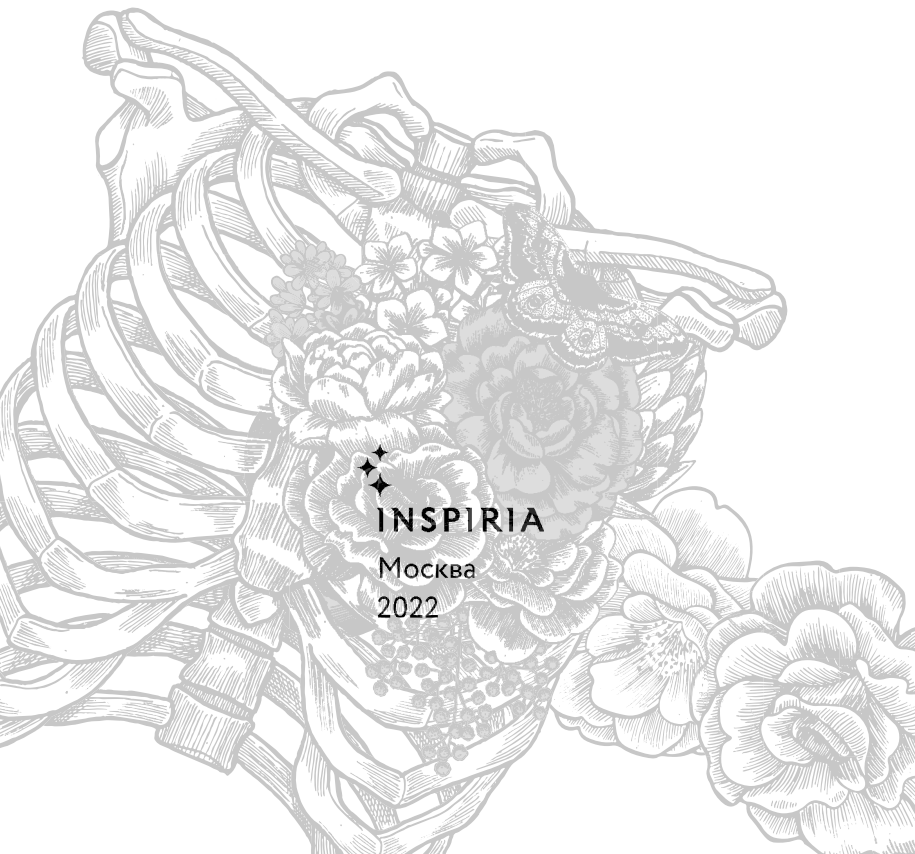

**СТЕКЛЯННЫЙ
ЧЕЛОВЕК
ВАЛЕРИЙ ПЕЧЕЙКИН**

INSPIRIA

Москва

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П31

Художественное оформление серии
Константина Гусарова

Печейкин, Валерий Валерьевич.
П31 **Стекло́нный человек** / Валерий Печейкин. – Москва :
Эксмо, 2022. – 320 с.

ISBN 978-5-04-117529-0

Эта книга – роскошный интеллектуальный стендап, темой для которого становится сама жизнь. Школьные экскурсии, работа в штабе Жириновского, поход в супермаркет, современный театр, Москва, Ташкент, Европа... Свободный жанр свободного человека, ирония и сострадание, а кроме этого – чувство, что наконец-то все назвал своими именами.

И если рассказы из первой книги Печейкина сравнивали с рассказами Чехова, то вторая книга – это скорее Достоевский времен «Бесов» или Ильф и Петров вкупе с Булгаковым.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117529-0

© Печейкин В., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Детский ад

Стекло́нный человек

Классе в девятом нас повели в анатомический музей. Сначала собрали, наорали, а потом сказали, что в пятницу вместо двух уроков биологии мы пойдем в этот самый музей. Идти обязательно: потом будет опрос об увиденном. Обычно на такую фигню все забивали, кроме двух отличниц — Марины Лондаревой и Инны Орловой, которые везде мотались. Ну, и еще два брата-татарина, у которых дома было пятьдесят младших братьев и сестер. Короче, им было неприкольнo торчать на хате.

Но в ту пятницу пришли почти все. Биологичка удивилась и почти не орала. Пришел даже Дима Есипенко, которого звали просто Ёс. Он, который жил на первом этаже, и его рожа вечно лупила из окна. Пришел Валера Скороухов, который все время болел, а в конце четверти играл джинна и читал задротские загадки со сцены в актовом зале. Пришел Фархад Эршад — пацан из Афганистана, который появился на занятиях один раз в начале года. И у которого все путали имя с фамилией. Все знали, что его мамашка занесла завучихе бабла, чтобы сыну выдали диплом в конце года. Фархад мало учился, но много качался, на его шее висела золотая цепочка с какой-то арабской фигней. И в тот день все подумали, что если пришел даже Фархад, то музей реально чего-то стоит. Не иначе.

Валерий Печейкин

Рассказывали, что десятиклассникам, которых водили в прошлом году, повезло: им показали резиновые сиськи — их нужно было слегка вздрочнуть, и из сосочков брызгала белая фигня. Типа молоко. Потом сиськи сломались и их куда-то заныкали. Вот. А нам ничего такого не светило. Кроме стеклянного человека.

Пока шли до автобусной остановки, дорогу перед биологичкой перебежала черная кошка. Биологичка засала и повела класс в обход, вдоль интерната для дебилов. Когда у нас кто-нибудь в классе тупил, ему говорили: «Отдадим тебя в розовый дом». Ведь интернат был покрашен розовым. Проходя мимо, мы шуганули пару даунов, которые тусили возле забора. Они еще больше затупили и все время, пока мы шли, смотрели на нас. Дебилы, чо.

Из-за кошки мы опоздали на автобус, а следующего пришлось ждать полчаса. За это время у одной девочки расстроился живот, а братья-татары подрались. Девочку отправили домой, а братьев биологичка схватила и шлепнула друг об друга: они успокоились. Потом пришел новый автобус и мы все, кроме обосранной девочки, в него забурились. По дороге мы выбесили несколько бабок, биологичка снова на нас орала.

В музее нас встретили безрадостно: мы жестко опоздали. Экскурсоводша начала из-за этого орать на биологичку. Всем стало стремно, что какая-то левая тетка орет на нас. Мы даже попытались на нее быкануть, мол, заткни хавчик или сосни тунца. Потом биологичка отвела ее в сторону, поговорила, и та быстро успокоилась. Оказалось, биологичка просто дала ей наличных лавов.

— Ну, — начала экскурсоводша, — начинаем экспресс-обход.

Стекланный человек

Она вынула белый халат – мятый, как будто из жопы. Вынула, надела, повела.

Поначалу ничего прикольного мы в музее не увидели. Было фуфлыжно, как в поликлинике. Подошли к триптиху «Инфекция». Плакат про ОРВИ, плакат про кишечную хрень и плакат про СПИД. У последнего подзаголовков «Инфекции, передающиеся половым путем». Про некоторых в школе говорили, что они ходят этим путем с пяти лет. Было заметно, что все три плаката рисовал один мусульманский художник, которому было ссыкотно изображать человека, поэтому он изображал не людей, а какую-то хрень.

На половом плакате было нарисовано несколько скамеек. На одной сидели наркоманы и ширяли друг друга в кавайные белые руки: ни вен, ни кошмарных фурункулов, посланных богом, автор не изобразил – просто руки, просто шприцы. Наркоманы были плохо одеты: видимо, все деньги уходили на ширку. Рядом сидела парочка – мужчина и проститутка. Она была побогаче и одевалась лучше, чем наркоманы. На ней была красная накидка и колготки в крупную клетку. Она закинула голову и подставила шею для поцелуя. На шлюшином лице проступали черты индивидуальности. Видимо, этот образ вызывал у художника эрекцию, типа отклик в душе. Вдобавок под скамейкой стояла открытая бутылка вина. Таким образом, автор за те же деньги рисовал больше предметов – его точно увлекла тема продажной любви.

Ну а рядом с наркоманией и проституцией был изображен гомосексуализм. Если шлюха вызывала у автора сочувствие, а ушлепки-наркоманы просто заблуждались – они не открыли пока для себя бухалово, – то го-

Валерий Печейкин

мосексуалисты... это... Даже коричневый грипп (первый плакат), который вылетает из носа вместе с «апчхи», не был таким страшным. Когда художник рисовал гомосексуализм, он, наверное, напоминал богиню Кали — гнев и разрушение колбасились в его рисунке.

На скамейке сидели два мужика с длинными волосами; они ртами целовали друг друга в губы. Губы были похожи на защелки от маминых кошельков. Такие, знаете, с шариками. Гомосексуализм был одет в разноцветные рубашечки, которые обычно носят на даче или в сочах. Короче, как если бы два инженера оказались на отдыхе без жен, а удочки и наркотики забыли дома. Из всех искушений осталось одно — гомосексуализм. Не пропадать же выходным?

Экскурсоводша увидела, как мы угораем над пидормотами, и погнала нас дальше. Через пару сек она уже объясняла отличницам, что такое кровеносная система. Нас тоже заставили смотреть на экспонат, где мигали красные и зеленые лампочки. Они изображали круги, по которым бежала кровь в организме. Я знал, что зеленые лампочки получают, если обычные прозрачные покрасить зеленой, а красные — женским лаком. Так на Новый год делалась вонючая — лак шмонил и трескался — гирлянда. А тут, значит, кровеносная система из тех же лампочек.

Про кровь все было более-менее понятно. Она содержится в основном в руках и коленях, ну и во всем остальном, если этим хорошенько долбануться. А что по поводу говна? Это не я спросил, а Дима Есипенко, который жил на первом этаже. И все тупо заржали — Фархад Эршад, братья-татары, даже девочки. Все, кроме отлич-

Стекланный человек

ниц. У них был какой-то иммунитет. Биологичка долбанула Есипенку по голове сумкой и куда-то погнала.

Экскурсоводша показала еще пару стремных экспонатов, и тут началась жесьть.

Нас провели в зал, где под стеклом лежала вырезанная из разных людей хрень. Одна девочка сразу проблевалась. Причем та девочка, которая не села в автобус из-за поноса. Оказывается, дома ей дали деньги на такси, чтобы она смоталась в музей. Короче, бедняга за день дважды испачкала свое легкое летнее платье.

Потом нам показали дохлых лягушек в спирте и эмбрионов в банках. Видели их когда-нибудь? У биологички в подсобке стоит эмбрион: плавает в водке хрень, вроде запятой с глазами. И любой из нас мог в баклажке плавать и в школе какой-нибудь стоять. Однако мы стоим в музее и смотрим на них, а они — на нас.

Еще показывали мозги: простые и нарезанные, как сыр на дне рождения — тонко-тонко. Экскурсоводша стала что-то задвигать про нейроны и электрические импульсы. Потом идет дальше и зовет: «А теперь, мальчики, ступайте сюда». Интересно, думаем, а почему именно мальчики? Может, хрен заспиртованный покажут. Оказалось, нам покажут — легкие курильщика и печень алкоголика. Экскурсоводша ехидно давай рассказывать, что бывает с теми, кто курит, что с альвеолами происходит; про цистит печени, про раннюю смерть и все такое.

Мы ее, конечно, слушаем, а сами, как хомячки, думаем о своем. Наконец, говорит, проходим в финальную залу, там вашему вниманию предстанет стекланный человек из Германии. Тот самый. Проходим, смотрим — действительно торчит какая-то байда, похожая на нашего

Валерий Печейкин

вахтера-киргиза. Стекланный человек был не прозрачный, а какой-то бронзовый и стоял на деревянной подставке, подняв руки хендехоном.

Мы стали на него тупить: что такого? Просто стекланный человек... Как вдруг у него засветились розовые мозги! Оказывается, экскурсоводша заныкалась в угол и включила человека в розетку. Теперь она стояла сбоку, держала в руках пульт на проводе и болтала: вот мозги, которые вы уже ранее видели нарезанными. Они, как вы помните, нужны для вмещения души и мыслей.

Щёлк пультом – а это красная гортань, по ней пролетает еда из фастфуда.

Щёлк – а это оранжевые бронхи, они нужны... а фиг знает. Щёлк быстрый – голубые легкие, которые нужны, чтобы курить и орать. Еще ими можно надувать шарики, но это для школоты.

Щёлк – сиреневые печень-почки. Ну, печень-почки нужны, кажется, чтобы фильтровать воду от хлорки. Еще они болят, если долго бежать кросс по заданию физкультурника Юрия Владимировича, который однажды напился и лежал прямо на школьной лестнице, а его в учительскую таскали химичка и русичка. В общем, печень-почки нужны, чтобы болеть. Спросите у Юрия Владимировича.

Щёлк – коричневые кишки. Они нужны, чтобы в них хранился кал. Непонятно, зачем они такие закрученные и выёжистые. Ведь можно было устроить, чтобы кал сразу вываливался из жопы. Но так бывает только в первоначальной природе, где туалет повсюду. Бог же предусмотрел, что построят Москву без туалетов. И придумал кишки-лабиринты. Пока говно ищет выход, можно добежать до «Макдоналдса».

Стекланный человек

Щ... не-а, не щёлк, а барабанная дробь. Сами подумайте, что может засветиться ниже кишок... Ага, он должен засветиться. Но про него же не говорят, а тут... Все притихли... Было даже слышно, как трещат от напряжения глаза братьев-татар.

– Завершает наш обзор...

Белая вспышка!.. Свет светит во члене.

– ...половая система.

Какая, к черту, система! Это иван иванович, а не система. Так и надо было сказать, а завершает наш обзор, ребята, иван иванович, известный более как хер. Если откажут печень-почки, мочки ушей или даже мозг – жить можно. А без хера никак. Не надо забывать и про яйца – они придают херу вес. Важность хера для организма огромна.

Я посмотрел на отличниц Инну и Марину: лица у них были как зашнурованные. Глазами – двумя черными дырками – они хавали божественный свет. Посмотрел на биологичку: она зырила на член именно как на орган, который дан человеку не для радости, а для контрольной работы. Хорошистки смотрели на член испуганно, а единственная троечница Света Сластихина – с уважением, как на деда-ветерана. Ну а мальчишки ржали: Дима Есипенко, братья-татары и афганец, даже Валера Скороухов, уж на что задрот, тоже хмыкал. А что еще делать? Хер, писка, жопа – это смешно, а когда они светятся – вдвойне. Представьте, что светится жопа.

Член был похож на экономную светодиодную лампочку.

В нем билось живое солнце. Он был протянут каждому, как трубка мира: бери и вдыхай. О, ху... Мне показалось, у него появились два маленьких золотистых крыла,

Валерий Печейкин

он вспорхнул и, кружась, взлетел под потолок. Все ахнули, кроме экскурсоводши:

— Половой мужской член имеет способность отделяться от тела. Его пещеристое тело при этом выполняет функцию аэродинамической трубы. Именно эта способность к полету и послужила залогом эволюционного скачка, который сделало человечество...

Хер спикировал из-под потолка и воткнулся экскурсоводше в рот. Заткнись.

Конечно, это была фантастическая картина. На самом деле все просто поржали, а биологичка, опомнившись, обозвала нас импотентами. Больше в музее ничего интересного не было. Мы пошли домой.

Не помню, был ли опрос на следующей неделе. Из биологии вообще ничего не помню... А ведь до хрена учил: эпителий, эндотелий, вакуоль. А вот стеклянного человека запомнил. Остальное как будто в темноте — все забыл.

1 сентября

Я не пошел в школу 1 сентября.

В Узбекистане 1 сентября — это День независимости, он там даже круче Навруза. Поэтому, когда накануне умер Каримов, об этом не говорили несколько дней, чтобы не омрачать.

Вечером накануне — 31 августа 1991 года — я подошел к матери и сказал, что принял решение не идти в школу. Вообще. Да, я долго думал, взвесил все «за» и «против» и понял, что мне это не подходит. «Хорошо, скажи об этом отцу», — сказала мама. Это означало «ты с ума сошел, он тебя убьет».

Стекланный человек

Отцу я ничего не сказал. В школу я все-таки пошел. И все десять лет жалел об этом. Без шуток: решение, принятое в неполных семь лет, было верным. Школа оказалась абсолютно бессмысленным делом. Я до сих пор не понимаю, зачем все это было.

Из первого учебного дня я запомнил один момент. Все вставали и представлялись. Шли по алфавиту. Передо мной встал маленький лупоглазый Дима Петров. Ну, Дима так Дима, Петров как Петров. Так могут и должны звать разведчика, человека без свойств. А потом встал я.

«Меня зовут... Валера Печейкин». Класс бахнул смехом. Некоторые уронили разложенные пеналы. И тут я понял, что у меня очень смешная фамилия. Все десять лет из-за нее у меня не было настоящего прозвища. Меня уже звали Печейкин.

Когда я в 20 лет решил взять псевдоним, друг отговорил меня словами: «Валера, понимаете, вам он не нужен. Тексты, которые вы сочиняете, требуют именно такой подписи. Ваша фамилия уже звучит как псевдоним».

Так я остался Печейкиным. Я несую эту фамилию официально с первого дня в первом классе. В классном журнале меня записывали Печкиным, Печенькиным, Пегейкиным, Печонкиным, проч., проч.

Я с гордостью нес свою фамилию и считал себя героем, пока не встретил автора, чьей фамилией была — Пидоренко. И она была настоящей. И он так подписывался.

Так что, дорогие дети, с гордостью несите свои имена и фамилии, с гордостью пишите их на тетрадках. История рассудит, кто из вас был печейкин, а кто — Печейкин!

Валерий Печейкин

7 октября

Однажды в нашем доме появился календарь. Годы были 90-е, и календарь совмещал астрологический прогноз, советы хозяйке и познавательную статистику — кто из великих родился в такой-то день. Календарь торжественно повесили в туалете.

Я сразу отлистал на 7 октября и прочел: родились физик Нильс Бор и рейхсфюрер Генрих Гиммлер. Я не навидел физику, поэтому гордиться Бором не стал. А вот слово рейхсфюрер произвело на меня огромное впечатление. Я решил, что если этот человек упомянут в календаре — между гороскопом Весов и советом про картофельные глазки, — то это прекрасный человек. Я почему-то решил, что рейхсфюрер — это как парфюмер, только добившийся больших успехов. Короче говоря, я обрадовался.

И стал всем рассказывать, что вот, мол, живешь, а потом бац — и узнаешь, что родился избранником неба. Был, мол, такой Гиммлер, а вот теперь — я. И тогда не помню, кто (возможно, мать, которая преподавала историю в техникуме) сказала что Гиммлер был одним из соратников Гитлера. У них даже имена похожи, а рейхсфюрер — это не парфюмер, а последняя сволочь.

Я был в отчаянии. Родиться в один день с бессмысленным физиком и последней сукой, почти Гитлером, проклятьем человеческим. А больше в календаре не было никого. Надо мной стали подхихикивать, что, мол, так себе денек — 7 октября.

Я листал энциклопедию в надежде найти хоть еще кого-то, но все гении словно разбежались по другим

Стекланный человек

дням. Седьмое октября было словно воронкой, оставшейся от падения астрологической бомбы.

Говорили, что в советское время это был День Конституции, но потом его отменили. День из красного стал серым... Я и Гиммлер с кровавой пастью одиноко ели торт.

Но шло время. Из газеты про звезд я узнал, что в этот день родился музыкант Том Йорк. Хотя что-то! Потом проскочила информация, что 7 октября – день сотворения мира в иудаизме. Уже неплохо!

А потом по телевизору сказали, что в этот день родился Путин. Владимир Владимирович Путин. А я Валерий Валерьевич Печейкин. И мы похожи.

И вот уже двадцать лет телевизор напоминает всем, кого нет в соцсетях, что меня нужно поздравить. Потому что поздравляют его.

Но знаете что? За эти годы я стал намного лучше относиться к Нильсу Бору и его квантовой теории спектров.

С праздником, Нильс!

Первый подарок

Вспомнил, что мне подарили на первый день рождения.

Мне 4 года, и мне дарят игрушку. Я спрашиваю, что я такое сделал. Оказывается, у меня день рождения – оказывается, этот день принято отмечать. Я радуюсь и одновременно огорчаюсь, так как не помню подарков на 3, 2 и 1 год. Сэкономили? Ладно...

Подарили деревянного Винни-Пуха с лапками на резинках. Я сразу отрываю одну лапу. Пух становится

Валерий Печейкин

калкой, я прошу родителей поменять игрушку на новую. Ну, говорят мне, извини — теперь в следующем году. Я рыдаю: целый год! Лучше бы не дарили ничего, лучше оставили бы в неведении. Вместо этого: слезы, расчлененный Винни. Как говорил Екклесиаст, «он напрасно пришел и отошел во тьму, и его имя покрыто мраком». К вечеру я перестаю плакать, во мне растворяется первое детское отчаяние и осознание того, что я убийца. На следующий год мне подарят пожарную машинку, я тоже сломаю ее, но чуть позже. Потом будет еще какая-то игрушка, а потом подарки начнут совмещать с необходимостью — школьный ранец, пенал, ботинки. Потому что накануне я уничтожил новые.

С тех пор день рождения, едва начавшись, изводит тем, что через несколько часов закончится. Как женщина не нужна 9 марта, как мужчина — всегда.

Страшней всего день рождения ближе к вечеру — когда хороших слов наговорят столько, что можешь стать донором комплиментов. Как же хорошо, что я не пью алкоголь. Печально видеть, как именинник превращается в роман-реку и стримит о том, что ему интересно. А все такие: чувак, уже как бы другой день, восходит заря безразличия. Я бы говорил о музыке, о нейросетях, о Кафке, а потом включил бы Fog Tropes Ингрэма Маршалла и смотрел, как расходятся гости. И мысленно видел, как светится в Кремле одно окошко — кабинет Путина. У него ведь тоже — сегодня. Но он тоже не пьет, как и я. Поэтому мы ничего не сказали. Мы просто помолчали, подумали. Я — о нем, он — о ничем.

С днем рождения тех, кто будет после нас.

Стекланный человек

Кумулони́мбус и нимбо́стратус

В детстве нельзя было материться. Помню, как я довел мать до слез, принеся домой слово «п****с». «В школе так сказал Дима Ковтунов. Мама, а что это такое?» – «Тебе отец объяснит!» Отец не объяснил. Объяснила жизнь...

Но однажды я нашел мат без мата. В энциклопедии «Вселенная и Земля» я прочел два слова. Кумулони́мбус и нимбо́стратус. На самом деле ничего такого, кумулони́мбусы – это кучево-дождевые облака, какие ходят сейчас над Москвой. А нимбо́стратусы – это слоисто-дождевые, какие затягивают небо осенью и наводят тоску.

Эти слова стали для меня самыми страшными ругательствами. В кумулони́мбусе слышалось что-то вульгарное. А в нимбо́стратусе – тут и объяснять ничего не нужно. Как будто кто-то [какашка].

Я сделал эти открытия классе во втором и блистал ими класса до пятого. И блеснул однажды на уроке географии. В этот день проходили тему облаков. Одноклассник Дима Ковтунов на вопрос училки, какие они бывают, сказал: «Тучи». Все смеялись. А я сказал: «Кумулони́мбусы и нимбо́стратусы!» Все молчали. Но потом смеялись.

В другой раз нас попросили сделать устный рассказ о любимой птице. Дима Ковтунов рассказал про ворона, Настя М. – про голубя, а Валера Печейкин встал и сказал: «Моя любимая птица – желтогорлый рогатый жаворонок». Его я нашел в сборнике открыток «Природа Алтая». И мне показалось, что он – это я в мире птиц. Жаворонок выглядел как маленький черт. Как я.

Валерий Печейкин

Произнес я его имя как «желтоголлый логатый заводнонок», потому что картавил. Отец тогда прочел, что для борьбы с картавостью нужно повторять слово «трамвай». Помню, как я сидел и говорил: «Тламвай, тламвай, тламвай...» Сказать «трамвай» не получилось ни разу. Но я обнаружил важный побочный эффект. Повторение одного слова вводило в наркотическое состояние. В нем слово «трамвай» полностью теряло свой смысл. А во-вторых, в него, как вода из кумулони́мбуса, ливнем хлынули все прочие смыслы.

Тогда, в начальной школе, я испытал настоящий наркотический приход. Я несся в бесконечном тламвае по небу и нимбостратусу, кумулони́мбусу на крыльях желтогорлого рогатого жаворонка – навстречу слову «серқуёш», которым начинался гимн Узбекистана. Оно значит «солнечный».

Никогда этого не забуду.

С тех пор я узнал и произнес все плохие слова. Сегодня я могу говорить слово [«гомосексуал»], но не хочу. Оно внесено в Конституцию. Я попробовал говорить «поправки», как когда-то – «трамвай». «Поправки, поправки, поправки...» – через две минуты слово потеряло смысл. Но наркотического эффекта нет. Нельзя наполнить смыслами то, что бессмысленно.

Добрые дети

В одном классе со мной учился мальчик-татарин, звали Дамир. Его все били, а он смеялся. Его трясли, бросали и возили по полу, когда нечем было заняться. То есть всегда. Дамир никогда не обижался, не жаловался, только

Стекланный человек

иногда сильно морщился, когда втроем сильно прижимали к стене, зажимали нос и рот, не давая дышать. Ну или еще что-нибудь такое. Сегодня нашел его профиль в интернете. Любит книгу «Перст указующий», игру Silent Hill, телеигру «Уйти в отрыв!» и фильм «Чистильщик». Стал красивый, улыбается, глаза, как и тогда, — добрые.

Был еще один мальчик, имя не помню, только прозвище — Базарбай. Он приходил в школу с заточкой, иногда приставлял ее кому-нибудь к горлу. Учителя знали? Знали. Родители знали? Знали. Нам говорили, что дети должны сами решать свои проблемы внутри коллектива. У Базарбая было еще несколько друзей — компания корейцев. Один из них ходил с муляжом пистолета и, как говорил, пугал им проституток — чтобы те «бесплатно сосали». Были еще ребята в параллельном классе. Двое из них забрались в кабинет русского языка и литературы. На столе лежали оставленные для проверки тетради. Ребята насрали в них и ушли, как пришли — через окно. Их нашли и отругали. Двое других через полгода забрались в класс математики, но срать не стали — просто подожгли. Еще двое написали над входом огромные слова: «Е****Я ШКОЛА». Под ними проходили линейки и пели песню: «Школьные годые чудесные!»

И вот сегодня, вспоминая чудесные школьные годы, я задаю себе два одинаковых вопроса. Я вспоминаю Дамира, над которым издевались, и спрашиваю себя: почему он нас не убил? Я вспоминаю Базарбая с ножом и спрашиваю себя: почему он нас не убил? Два одинаковых вопроса и один мой ответ:

Раньше дети были другие.

Добрые.

Я в искусстве

Творческий труд

Очень важная для меня тема: как оценивать чужой творческий труд. И так, как это происходит в двух мирах – в России и в Европе.

В Европе:

«Дорогой Валерий!

Мы были очень рады получить Вашу работу «Кусок моего дерьма», сделанную из Вашего собственного дерьма, что делает работу очень личной и даже глубокой.

Все мы с интересом и уважением отнеслись к Вашей работе, в которую Вы вложили частицу себя, ведь Вам пришлось многое переварить, чтобы создать работу «Кусок моего дерьма». В ней есть теплота и мягкость, пряность и терпкость – все в одном бесшовном куске. Куске дерьма.

Спасибо Вам за нее!

Нам хочется помочь сделать Вашу работу еще интереснее, для чего мы написали 375 точечных комментариев по оформлению Вашей заявки. Будем рады, если вам удастся с ними ознакомиться и внести изменения. После этого мы сможем двигаться дальше вместе.

Спасибо Вам и хорошего дня!

Обнимаем Вас,

команда фестиваля «Дерьмо – всем»